

Д. А. Баринов

Студенческие землячества Российской империи: от национального к политическому*

Политическая история студенчества рубежа XIX–XX вв. — одно из популярных направлений в историографии высшей школы. Из работ предшественников мы знаем о том, как влияли на студентов партии и движения народнического типа, эсеры, социал-демократы, кадеты и монархисты. Однако за пределами исследовательского фокуса остаются сюжеты, касающиеся национальных движений. На примере объединений, созданных по национальному признаку (прежде всего землячеств), мы ответим на вопросы: являлись ли подобные сообщества плодами самостоятельного творчества студентов или их появление инспирировалось извне? как происходил переход от культурно-просветительской работы организаций к политической борьбе?

Для политических партий разного толка общим местом была попытка оказать влияние на университеты и институты извне — через своих агентов или сторонников. Организации национального толка формировались по иному пути. Они нередко зарождались непосредственно в вузовской среде и затем либо становились частью общенациональных партий и движений, либо фор-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520; https://grant.rscf.ru/prjcard_int?23-18-00520

мировали самостоятельные организации. При этом, как и в случае с другими сообществами, включавшимися в протестные движения, они изначально не составляли оппозиции. Поэтому интересно проследить, как происходил переход деятельности этих сообществ от материальной взаимопомощи, организации студенческого досуга и просветительской работы к радикальной борьбе, иными словами, как национальное дополнялось политическим. Нам кажется, что в данном случае применимы построения известного исследователя национальных движений М. Хроха, который показывает, что зачастую подобные движения формировались параллельно с общественным подъемом и развитием политического кризиса в государстве¹. Студенчество может послужить ярким тому примером. Обратимся к некоторым наиболее показательным случаям.

Так, с середины 1840-х гг. в Москве действовало армянское землячество «Жогов», которое несколько лет занималось организацией благотворительных вечеров, сбором сведений о современном положении армян в России и Турции и т.д.² Землячество хоть и существовало долго, но популярностью среди студентов-армян не пользовалось. Они предпочитали вступать в другие сообщества, организованные не по национальному принципу, но зато имеющие больший масштаб работы и позволяющие надеяться на стабильную материальную помощь. Однако обстоятельства изменились в начале 1890-х гг., когда усилились репрессии против армянского населения в Турции, пиком которых стали массовые убийства в 1894–1896 гг. Отклик на эти трагические события привел к заметной активизации армянских обществ, которые стали объединяться во круг «Жогов» и участвовать в политических акциях студенчества³. Знаковым шагом для землячества стало вступление в Московский союзный совет, занимавшийся координацией студенческого протеста. Происходил подъем армянского студенчества и в других городах — возникло отделение «Жогов» в Санкт-Петербурге, более активным стало армянское землячество в Харькове⁴.

Вскоре политические связи «Жогов» вышли за пределы вузовской среды — в 1899 г. в Москве была раскрыта так называемая Сасунская комиссия. Она ставила своей целью помощь оружием и деньгами сасунской самообороне: так называлась серия актов сопротивления армян, проживавших на правах фактической автономии в провинции Сасун, против вооруженных нападков со стороны турецкой армии. Предыстория комиссии такова — в 1894–1895 гг. в Москве возникло общество, занимавшееся сбором средств в пользу армян, пострадавших от репрессий. Вскоре оно распалось, но его дело было поддержано «Жогов», которое в рамках своей структуры организовало специальную комиссию и вывело организацию помощи на новый уровень. Предпринимались командировки в столицу для объединения с местными армянскими обществами, связь с турецкими армянами проходила в том числе через Тифлисский армянский революционный комитет⁵. Имеются свидетельства того, что у «Жогов» были покровители и среди знати армянского происхождения. Так, в 1899 г. его собрания проходили в доме предпринимателя и общественного деятеля князя

С. С. Абамелек-Лазарева⁶. После одного из таких собраний было арестовано 44 участника землячеств. Материалы, изъятые при обыске, позволяют судить о планах активистов: проведение в Турецкой Армении реформ через вмешательство европейских держав; восстания в Сасуне и Зейтуне; демонстрации в Константинополе и др.⁷

В документах Департамента полиции можно найти и упоминания о поездке делегатов «Жогов» на съезд в Тифлисе. Очевидно, речь идет о II съезде «Дашнакцутюн», ставшей крупнейшей в XX в. армянской радикальной партией левого толка⁸. Таким образом буквально за несколько лет малочисленное и малопопулярное землячество оказалось важным актором политической борьбы, старавшимся играть роль одного из филиалов армянского освободительного движения, распространявшего свое влияние в том числе за пределы Российской империи.

Менее радикальные, но заметные сдвиги под воздействием общей политической конъюнктуры происходили и в других сообществах. В начале 1890-х гг. началась радикализация польских сообществ, происходившая на фоне роста рабочего движения в Варшаве, — одним из наиболее ярких свидетельств этому стала первая в Российской империи демонстрация на 1 мая, случившаяся в 1890 г. Событие произвело большое впечатление на польское студенчество и совпало с возрождением подпольной польской партии «Пролетариат». Вместе с этим в землячества начинают проникать представители социал-демократических кружков, что приводит к дискуссиям о целях студенческих сообществ и их месте в политической жизни. Так, в польском землячестве в Москве доказывалась необходимость сочетания национального движения с социал-демократическим; намечалась борьба за экономическое положение рабочих, гражданские свободы и т. д.⁹ Довольно скоро от дискуссий землячество перешло к практической работе, в которой в том числе участвовал будущий большевик и советский дипломат В. В. Воровский¹⁰. Оно протестовало против сборов на памятник Н. М. Муравьеву в Вильно, занималось издательской работой (печатали лекции историка В. Б. Антоновича, сочинения Л. Н. Толстого), подготавливало листовки, в 1891 г. его силами было устроено празднование 100-летия со дня принятия польской конституции. В середине 1890-х гг. землячеству удалось наладить выпуск журнала «Единение», выдержанного в духе идей социал-демократии. Отметим, что среди задач, которые ставились перед польским студенчеством, была не только политическая работа, но и «поднятие умственного и нравственного уровня народа, образования его и приготовления сбросить ехидные оковы, наложенные Царем и его клеветами»; самовоспитание объявлялось одной из самых важных задач, так как оно помогает «приготовлению из себя политических деятелей для родины»¹¹.

Уже в начале XX в., с укреплением на политической арене нескольких социалистических партий, между ними началось нечто вроде конкуренции за земляческие организации. Показателен пример польского землячества «Холмщина»

(историческая территория со смешанным украинским и польским населением). После Первой русской революции при нем существовали и социал-демократическая, и эсеровская фракции, т. е. контакты поддерживались сразу с двумя партиями¹². Очевидно, что впоследствии (на 1908–1909 гг.) верх одержала эсеровская партия. Землячество имело тесные связи с городом Седлец и учениками мужской и женской гимназии. Организация ставила перед собой преимущественно пропагандистские цели — «пробуждение политического самосознания учащейся молодежи и ознакомления ее с социалистическими идеями». И уже эта просвещенная молодежь должна была агитировать в среде рабочих, крестьян и в армии¹³.

На положении партийной ячейки социал-демократов существовали и другие сообщества. Так, в 1909 г. во время обысков у членов грузинского землячества Московского университета были изъяты экземпляры «Искры», «Манифест Коммунистической партии», сочинения Г. В. Плеханова, Л. Н. Толстого и М. Горького; студенты и сами примерялись к роли партийных публицистов — в ходе обысков обнаружили сочинения на русском и грузинском языке (в том числе брошюра «Цда»)¹⁴. Тесные связи с РСДРП имелись у эстонского землячества «Аби» в Петербурге. Оно было составной частью общегородского студенческого общества, которое в годы Первой русской революции раскололось по политической линии. Правая часть, сторонившаяся политики, выделилась в общество «Северный край», а левая попала под заметное влияние социал-демократов (членами общества были известные в будущем большевики Я. Анвельт, В. Кингисепп, Я. Ряппо)¹⁵. Работа общества была разнонаправленной: с одной стороны, оно вело пропаганду революционных идей, с другой — содействовало выпуску литературы и календарей на родном языке, сотрудничала с эстонскими писателями и публицистами и др., что в целом не было свойственно социал-демократам¹⁶. Можно с большой долей вероятности предположить, что, как и «Холмщина», организация не имела единой политической ориентации.

Рассмотренные нами примеры демонстрируют случай, когда землячества на волне общественного подъема попадали в сферу влияния более крупных партий — национальных или общеимперских. Однако нередки случаи, когда сами студенческие объединения становились первой ступенью к организации партии, ставившей перед собой целью национально-освободительную борьбу. Одним из первых примеров подобного процесса можно считать историю латышского «Нового течения» («Jaunā strāva»), созданного в середине 1880-х гг. Оно появилось в результате совместной работы членов или «выпускников» латышских кружков при университетах в Санкт-Петербурге, Тарту, Москве, при Рижском политехническом институте. Первоначально ставя перед собой культурно-просветительские задачи, члены объединения стали проникаться марксистскими идеями, и его идеология приобрела социал-демократический характер. Многие деятели «Нового течения» в начале века стали членами Латвийской социал-демократической партии¹⁷.

В 1900 г. в Харькове на Третьем съезде студенческих землячеств (из местного университета и технологического института) была образована Революционная украинская партия (РУП). Ядро будущей партии первоначально никак не было связано с украинскими национальными идеями: оно возникло в ходе подготовки общестуденческой забастовки 1899 г. Хотя появление РУП было результатом местной инициативы, вскоре в состав партии влились Черниговская, Полтавская, Одесская, Екатеринославская громады, и РУП стала претендовать на региональный охват¹⁸. Любопытно, что помимо отделений в Малороссии существовала также и Петербургская группа. Основную массу РУП составляли студенты и (шире) украинская молодежь: «РУП складывалась из представителей младшей украинской интеллигенции, которые хоть и принадлежали к новому поколению конца 1890-х гг., уже захваченного уверенным национальным подъемом, что обозначился в те времена, но все же были воспитаны в духе общероссийских радикальных и социалистических идей и взглядов, что с непреодолимой силой влияли даже на наисознательнейших и наиболее активных украинцев»¹⁹.

В 1905 г. РУП была расформирована, хотя на тот момент имела налаженные связи как с заграницей (там печатался основной массив литературы), так и среди рабочих и крестьян. Любопытно, что упадок партии был связан в том числе и с разногласиями по вопросу о национально-освободительной борьбе. Левое крыло партии считало, что национальные лозунги должны иметь подчиненное положение по сравнению с ведением классово-борьбы. Поэтому неудивительно, что часть членов РУП выделилась в Украинский социал-демократический союз, который затем влился в РСДРП.

Тем не менее легализация политической работы, случившаяся в годы Первой русской революции, привела к созданию украинских партий самого разного толка — от умеренных до радикальных²⁰. Это во многом сказалось и на студенческом движении. С одной стороны, украинские землячества были довольно массовыми и распространенными организациями, с другой — они не имели единой политической ориентации, что, конечно, ослабляло национальное движение как таковое. В 1908–1910 гг. правительство выясняло обстоятельства работы Украинского студенческого землячества (громады). Оказалось, что его Центральное бюро имеет филиалы в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Харькове²¹; существовали землячества также и на востоке страны — в Томске и Владивостоке. Политическая принадлежность землячеств различалась даже в пределах одного города. В Харькове часть «земляков» была напрямую связана с социал-демократическими организациями, другие студенты (из технологического института) составляли общество украинофилов²². В Томске занимались преимущественно изучением национальной культуры, однако при этом организовывая сборы для поездки делегатов на заграничные съезды украинских политических организаций²³.

Путем расширения деятельности студенческих сообществ развивалась также история белорусского движения. Известно, что белорусские кружки созда-

вались еще в конце XIX в. в Санкт-Петербурге («Кружок польской, литовской и белорусской молодежи») и Москве («Белорусский социалистический кружок»), однако вскоре они, вероятно, были разгромлены²⁴. В 1902 г. при столичном университете начал свою работу «Кружок белорусской народной культуры и просвещения», однако довольно скоро между членами кружка произошел раскол, так как аполитичная направленность его работы перестала удовлетворять наиболее активную часть членов²⁵. Так в 1903 г. возникла Белорусская социалистическая громада (БСГ). Хотя БСГ на первых порах являлась вузовским объединением, состав ее был довольно пестрым. Основатель громады, студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета А. И. Луцкевич вспоминал: «Кроме студентов были среди нас и рабочие-белорусы, которые всегда в большом количестве прибывали из Белоруссии в Петербург. Был и некий фельдшер из Обуховской больницы, в служебном помещении которой происходили иногда наши собрания»²⁶. С созданием громады в нее влилась и ее идейная предшественница — Белорусская революционная партия. В строгом смысле последнюю вряд ли можно считать партией — это был лишь небольшой кружок единомышленников, созданный студентом технологического института В. Л. Ивановским²⁷. И хотя масштаб работы БСГ не был велик, она имела небольшие группы поддержки в Минске и Вильне²⁸, а ее работа по пробуждению национального самосознания (путем агитации, издания брошюр и периодики на национальном языке, подготовки языковых учебных пособий) была заметна — во всяком случае в интеллигентской среде. Не случайно в 1917 г. деятели независимой Белоруссии объединялись именно под названием Белорусской социалистической громады, хотя деятельность первого состава организации прекратилась после неудачной кампании по выборам в III Государственную думу.

Отметим, что и Белорусская социалистическая громада, и Революционная украинская партия оставили свой след в истории не только как первые политические организации своих народов. В их среде сформировались будущие государственные и политические деятели Белорусской народной республики (братья А. И. и И. И. Луцкевичи, В. Л. Ивановский и др.) и Центральной украинской рады (С. В. Петлюра, И. П. Мазепа, В. К. Винниченко, Н. В. Порш, Б. Н. Мартос и др.), возникших на развалинах Российской империи. Причем в зрелом возрасте бывшие участники этих движений в идеологическом отношении были довольно далеки от социалистических идеалов своей юности.

Отметим, что наряду с радикалами существовали и сообщества, которые сознательно сторонились политической борьбы. Любопытно, что политическая линия подчас напрямую отражалась в организационных формах. Студенты, подчеркнута сторонившиеся общественно-политической борьбы, объединялись в корпорации. Конечно, численность членов корпораций была невелика, а деятельность менее заметна, так как направлялась больше внутрь сообщества, а не за его пределы. Но и они внесли свой вклад в подготовку национальной интеллигенции.

* * *

Отметим некоторые общие закономерности, связанные со студенческими национальными организациями. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на социалистическую ориентацию наиболее заметных сообществ 1890–1900-х гг. При этом их политическая позиция не всегда была выражена четко — одни тяготели к социал-демократам, другие — к социалистам-революционерам, третьи и вовсе держались в стороне от конкретных партий. Такой левый уклон в идеологии приводил к тому, что национально-освободительные движения не являлись националистическими по сути, т.е. ставили во главе программы не собственные интересы, а лозунги общего переустройства Российской империи. Это обуславливало сотрудничество разных организаций, наиболее характерный пример — переплетение деятельности польских, литовских, украинских и белорусских обществ.

Оппозиционность не была отличительной чертой лишь национальных землячеств, а характеристикой всего студенческого активизма. Путь к протесту у аполитических организаций проходил по схожему маршруту. Сначала провозглашалась необходимость борьбы за автономию высшего образования, затем выдвигались политические лозунги, и актив организации приступал к пропаганде, направленной вне высшей школы. Такой переход был во многом предсказуем, так как борьба за права вузов неизбежно ставила вопрос жизнеспособности и справедливости самой формы монархического правления. На это толкала и политика самодержавия, препятствовавшая появлению легальных методов борьбы за корпоративные интересы. Таким образом, приобщаясь к студенческому активизму, молодой человек попадал в среду, отличающуюся демократическими традициями и свободой политических взглядов. Среди товарищей по землячествам или кружкам можно было вести общественную жизнь, которая не контролировалась ни университетским начальством, ни правительством. «Земляки» сами определяли свою структуру, направления работы, характер взаимоотношения с другими сообществами. В условиях нелегального статуса студенческих организаций от аполитичной работы до оппозиционной активности оставался лишь небольшой шаг. Конечно, политика была более чревата репрессиями, чем «экономизм» или просвещение, однако тот факт, что правительство признавало (пусть и не публично) свое бессилие перед земляками, позволял студентам надеяться на то, что гонения их не коснутся.

Такая свобода воззрений и самоуправления создавали условия и для развития организаций, создаваемых по национальному признаку. Прежде всего этим отличалась высшая школа Петербурга и Москвы, куда в большом числе приезжали молодые люди из провинции. Доступ к легальной и подпольной литературе, участие в собраниях и дискуссиях, наблюдаемый опыт работы существующих сообществ показывали возможные способы выражения своего национального самосознания. Как и в случаях с другими сообществами, деятельность национальных организаций редко носила политический харак-

тер изначально. Кружки по изучению культуры, сообщества, направленные на материальную взаимопомощь и адаптацию земляков в столичных городах, комитеты, отстаивающие автономию высшего образования, приходили к необходимости радикальной борьбы постепенно. Переход этот происходил на фоне общественно-политического подъема в стране в целом или на тех территориях, представителями которых эти организации себя считали. Наиболее ярко этот переход от национального к политическому происходил на рубеже XIX–XX вв.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие национальные партии и движения, созданные студентами (Революционная украинская партия, Белорусская социалистическая громада, «Новое течение», эстонское общество), образовались вдалеке от места проживания народа, за интересы которого они боролись. Зарождаясь в крупных имперских городах, обретая там сторонников и союзников, формулируя политическую программу, они только впоследствии переносили свою работу на малую родину. Работа эта имела скромные успехи, и, не получая той отдачи, которую национальные организации имели в среде интеллигенции крупных городов, движения начинали дробиться, исчезать или сливаться с общенациональными партиями — прежде всего социал-демократической. Тем не менее короткий, но насыщенный период существования описанных нами движений сделал значительный вклад в формирование национальной элиты, которая наиболее ярко проявит себя уже во время распада Российской империи.

¹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 121–145.

² См. также о связях с армянами Турции и России: *Казарян Г. М.* Армянское общественно-политическое движение в 50–60-х годах XIX века и Россия. Ереван, 1979. С. 196.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 63. Оп. 10. Д. 973а. Л. 5 об.

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 8. Д. 240. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 25–27.

⁸ См. о съезде: *Киракосян Н. Б.* Создание и деятельность партии «Дашнакцутюн» (1890–1907 гг.) // *История национальных политических партий России*. М., 1997. С. 174–175.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 90. Д. 309. Л. 5.

¹⁰ О его работе в землячестве см.: *Пияшев Н. Ф.* Воровский. М., 1959. С. 12–15.

¹¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 5. Д. 76. Л. 8 — 8 об.

¹² ГА РФ. Ф. 58. Оп. 3. Д. 1162. Л. 6, 15.

¹³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 28. Д. 1739. Л. 4–6.

¹⁴ Там же. Оп. 24. Д. 286. Л. 26, 48–49, 62.

¹⁵ *Исаков С. Г.* Эстонские общества и организации в Петербурге в XIX — первые годы XX в. и их культурно-просветительная деятельность // *Россия и Балтия*. М., 2004. Вып. 3. С. 180.

- ¹⁶ Таммисту К. И. Под всполохи молний: о жизни и деятельности Я. Анвельта. М., 1989. С. 21–23, 27.
- ¹⁷ См. подробнее: *Баринов Д. А.* Студенческие организации латышей в Санкт-Петербурге (конец XIX — начало XX в.) // Клио. 2019. № 10 (154). С. 95–99.
- ¹⁸ *Озадовский В. Е.* «Революционная украинская партия» в общественно-политической жизни России в начале XX в. // Клио. 2024. № 9. С. 113.
- ¹⁹ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (РУП) (1900–1905 рр.). Львів; Київ, 1921. С. 10 (цит. по: *Озадовский В. Е.* «Революционная украинская партия»... С. 113).
- ²⁰ Склонность украинских организаций к расколам и склокам отмечали многие исследователи и современники. См., например: *Гермайзе О.* 25 ліття рев. Укр. Партії (РУП) // Життя й Революція. 1925. № 3. С. 20–24.
- ²¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 201. Д. 99. Л. 11.
- ²² Там же. Л. 31; Д. 131. Л. 1.
- ²³ Там же. Д. 99. Л. 5.
- ²⁴ *Турук Ф.* Белорусское движение. М., 1921. С. 114.
- ²⁵ По другой версии, кружок существовал параллельно с БСГ, которая вскоре его поглотила. Взаимоотношения белорусских организаций того времени были столь запутаны, что даже современники часто не могли понять, чьему авторству принадлежит тот или иной печатный материал.
- ²⁶ *Луцкевіч А.* За дваццаць пяць гадоў (1903–1928). Вільня, 1928. URL: [https://be.wikisource.org/wiki/За_дваццаць_пяць_гадоў_\(1903-1928\)](https://be.wikisource.org/wiki/За_дваццаць_пяць_гадоў_(1903-1928))
- ²⁷ *Турунак Ю.* Вацлаў Іваноўскі і адраджэньне Беларусі // Маладосць. 1994. № 8–9. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/turonak/02/вацлаў_іваноўскі_і_адраджэньне_беларусі.html (дата обращения: 14.07.2025).
- ²⁸ *Тогалева А. Д.* Беларуская сацыялістычная грамада: праблемы ўтварэння і палітычнай дзейнасці: дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 1996. С. 26–27.

References

- Isakov, S.G. Estonskiye obshchestva i organizatsii v Peterburge v XIX — pervyie gody XX v. i ikh kul'turno-prosvetitel'naya deyatelnost' [Estonian Societies and Organizations in St. Petersburg in the 19th — First Years of the 20th Century and Their Cultural and Educational Activities. In Russ.]. In *Russia and the Baltics*. Moscow, 2004. Iss. 3, pp. 156–187.
- Kazaryan, G. M. *Armiyanskoe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v 50–60-kh godakh XIX veka i Rossiya* [Armenian Socio-Political Movement in the 1850–60s and Russia. In Russ.]. Yerevan, 1979, 383 p.
- Khrokh, M. Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'yu sformirovavsheisya natsii [From National Movements to a Fully Formed Nation. In Russ.]. In *Nations and nationalism*. Moscow, Praksis publ., 2002, pp. 121–145.
- Kirakosyan, N. B. Sozdaniye i deyatelnost' partii "Dashnaksutyun" (1890–1907 gg.) [Creation and Activities of the Dashnaksutyun Party (1890–1907). In Russ.]. In *History of National Political Parties of Russia*. Moscow, ROSSPEN publ., 1997, pp. 169–180.
- Piyashev, N. F. *Vorovskiy*. [In Russ.]. Moscow, Molodaya gvardiya publ., 1959, 301 p.
- Tammistu, K. I. *Pod vspolokhi molnii: o zhizni i deyatelnosti Ya. Anvel'ta* [Under the Flashes of Lightning: About the Life and Work of J. Anvelt. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1989, 270 p.
- Toguleva, A. D. *Belaruskaya satsyialistichnaya gramada: problemy utvarennya i palitychnai dzeinassti* [Belarusian Socialist City: Problems of Food and Nutrition. In Belarus.]: dis. ... kand. istoricheskikh nauk. Minsk, 1996, 118 p.
- Turonak, Yu. Vatslau Ivanouski i adradzhen'ne Belarusi [Vaclav Ivanovskiy and the Independence of Belarus. In Belarus.]. In *Youth*. 1994. No. 8–9. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/turonak/02/вацлаў_іваноўскі_і_адраджэньне_Беларусі.html (дата обращения: 14.07.2025).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. А. Баринов. Студенческие землячества Российской империи: от национального к политическому // Петербургский исторический журнал. 2026. № 2. С. 88–97. DOI 10.51255/2311–603X_2026_2_88

Аннотация: Современная историография высшей школы убедительно демонстрирует, что национальные организации (в том числе землячества как их наиболее распространенная форма) были одними из самых представительных в студенческой среде рубежа XIX–XX вв. Автор статьи пытается проследить политизацию подобных объединений и их переход к революционной борьбе. Статья демонстрирует, что многие политические нейтральные (культурные или экономические) организации национального толка попадали в орбиту более крупных радикальных партий, которые часто вели борьбу за влияние над конкретным кружком. Другие объединения, постепенно набирая популярность, становились самостоятельной партией/движением, которое претендовало на общеимперский и региональный охват (Белорусская социалистическая громада, Революционная украинская партия, латышское «Новое течение» и др.). При этом сформировавшиеся движения, несмотря на демократические лозунги, отличались интеллигентским составом и зарождались вдали от проживания народа, чьи интересы они планировали отстаивать. Агитационная работа переносилась из крупных городов на периферию уже позднее. Созданию и политизации национальных организаций способствовала демократическая студенческая среда, которую царское правительство было бессильно поставить под контроль. Попадая в университет, молодой человек приобщался к общественной жизни и опосредованно — к формам политической борьбы, к чему подталкивал нелегальный статус даже неполитических сообществ.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, национальные движения, студенческое движение, история политических партий.

FOR CITATION

D. A. Barinov. Student Fraternities of the Russian Empire: From National to Political // Petersburg Historical journal, no. 2, 2026, pp. 88–97. DOI 10.51255/2311–603X_2026_2_88

Abstract: Modern historiography of higher education convincingly demonstrates that national organisations (primarily regional associations) were among the most representative in the student environment at the turn of the 19th and 20th centuries. The author of the article attempts to trace the transition from politicization of such associations to political struggle. Using materials from St. Petersburg University, it was possible to demonstrate that some political, neutral (cultural or economic) organizations of a national nature fell into the orbit of larger radical parties, which often fought for influence over a specific circle. Other associations gradually gained popularity and became independent parties / movements that claimed pan-imperial and regional coverage (the Belarusian Socialist Community, the Revolutionary Ukrainian Party, the Latvian “New Current”, etc.). At the same time, the movements that formed, despite their democratic slogans, were of an intellectual nature and arose far from the people whose interests they planned to defend. Agitation work was transferred from large cities to the periphery later. The creation and politicization of national organizations was facilitated by the democratic student environment, which the Tsarist government was powerless to control. Upon entering the university, a young person became involved in public life and, indirectly, in forms of political struggle, which was encouraged by the illegal status of even non-political communities.

Key words: St. Petersburg University, national movements, student movements, history of political parties.

Автор: Баринов, Дмитрий Андреевич — к.и.н., научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Barinov, Dmitry Andreevich — PhD in History, Researcher, European University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3592-8557